

ональных приоритетов, что обусловлено изменившимися условиями общественного развития, поэтому следует искать пути и разрабатывать технологии по гармонизации национальных и интернациональных духовных ценностей студента. 4. Идеи поликультурного образования следует проводить по всему спектру вопросов учебной, социальной, воспитательной, психологической деятельности в вузе: «#61623; вносить изменения в социально-гуманитарные дисциплины, «#61623; совершенствовать технологии преподавания, как социально-гуманитарных, так и естественнонаучных дисциплин, «#61623; активной использовать идеи ненасилия, паритетности, сотрудничества, диалога в социально-педагогической и воспитательной практике, «#61623; повышать уровень психологической грамотности и культуры. 5. Совершенствовать систему межкультурной адаптации в работе психологических служб вузов с иностранными студентами, временно перемещёнными лицами, мигрантами, беженцами и преселенцами. 6. Социально-психологическим службам вести целенаправленную профилактическую, просветительскую работу со студентами, выезжающими в летний период на

заработки за границу (в особенности с девушками). Поэтому в вузах должна быть создана целенаправленная система работы по формированию поликультурного сознания, мышления и воспитания студентов с совершенно иными взглядами на мир, с привычками оперировать другими категориями, иными представлениями о жизненных идеалах и ценностях. Можно констатировать, что мы вступили в эпоху, которая сформировала потребность в специалистах, целенаправленно и профессионально умеющих принимать решения на межличностном уровне, имея в виду другого как представителя иной культуры, а также на уровне профессиональной задачи, которая стоит перед ними в конкретный момент. Это специалисты совершенно новой формации, уровень знаний и компетенций которых соответствует потребностям по решению нового класса задач, задач по формированию устойчивости к неоправданному выбору, рискам, вызовам, стрессам, незащищённости личности в современном мире, с одной стороны, а с другой - потребностям, соответствующим национальной идентичности, ментальности и морали.

УДК 371 "044/14"

Резько П.Н.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИДЕИ УНИВЕРСИТЕТА

Рассмотрение университета, как социального и педагогического объекта, с точки зрения его генезиса обнаруживает значительные трудности, начинающиеся уже с неоднозначности исторических подходов к определению этапов его возникновения. Наиболее распространенной позицией является фиксация получения официального статуса Болонским университетом в XI веке. Однако существуют и более ранние обращения к термину «университет». Так, в «Международной энциклопедии образования» представлена классификация культурологических типов университета, берущих начало с эпохи эллинизма [22, с.2023]. Об университетских учёных городах упоминает основоположник цивилизационного подхода изучения истории образования К. Шмидт [14, с.429]; об «universitates literarum», «высших школах», «высших учебных заведениях» сообщает Ф. Штадельман [15, с.148]. Университет в Константинополе служит предметом изучения Г. Буассье [2, с.140-141], П. Гизо [3, с.92], Ш. Диля [7, с.26-27]. В то же время нельзя утверждать, что большинство исследователей признают мнение о существовании университетов в Римской империи. В ряде трудов мы встречаем более осторожные высказывания на этот счёт. Л. Фридендер, к примеру, термин «высшее образование» заменяет на «школы высшей ступени» [12, с.169], что ставит под сомнение факт существования римских университетов; Т. Циглер упоминает также только о «высших образовательных школах» [13, с.20], Ф. Гизо, характеризуя результаты романизации Галлии, называет риторические и философские учебные заведения этой провинции «большими школами» [4, с.76].

Скорее всего, следует признать, что идея университета появилась в Европе в VI – III вв. до н.э., и пришла она туда с Востока. В сочинениях таких древнегреческих философов, как: Пифагор (около 584-500 гг. до н.э.), Аристотель (384-322 гг. до н.э.) и Теофраст (примерно 370-285 гг. до н.э.), высказывалась мысль о создании автономного учебного заведения, в рамках которого образовательная деятельность совмещалась с основательными научными изысканиями [1, с.243]. Идеи, высказанные этими мыслителями, нашли воплощение в

Александрийском Мусейоне, основанном в III в. до н.э. во времена правления Птолемея I Сотера. Хотя сами сочинения названных мыслителей, содержащие идею университета, до нас не дошли, всё же имеется возможность составить себе представление о контурах вскрытого нами идейного пласта. Сделать это представляется возможным благодаря реконструкциям организации жизни и деятельности Александрийского Мусейона.

В первую очередь, следует обратить внимание на содержание программы обучения в Мусейоне, в которую входили не только гуманитарные дисциплины из числа «свободных искусств», особенно философия, но и многие другие предметы, как естественнонаучного, так и технического характера. Иными словами, мусейоническое образование охватывало всю совокупность научного знания своей эпохи. Помимо этого, образование в Александрийском Мусейоне, кроме содержательного научного обучения, подразумевало привлечение учащихся к проводимым их учёными-наставниками исследованиям, что превращало Мусейон в крупный исследовательский центр.

Организационные моменты Мусейона: разделение властных полномочий между управителем, жрецом Муз и библиотекарем, автономность, присутствие культового начала в административных и образовательных практиках, всё это представляется любопытным в плане рассмотрения развития университетской идеи на самых ранних этапах её становления. Косвенные данные позволяют предполагать, что Александрийский Мусейон, просуществовав без малого почти тысячу лет (с III в. до н.э. – по VII в. н.э.), оказал значительное влияние на развитие образования высшего порядка на Ближнем и Центральном Востоке.

Влияние Мусейона на развитие образования высшего порядка на Востоке можно проследить на примере святой школы города Нисибина (Месопотамия) IV-VII вв. [9, с.228-232.]. Уже эти правила позволяют составить представление о развитии теории образования высшего порядка в раннесредневековой Сирии. Уже на материале «Правил нисибийской школы»

*Резько Пётр Николаевич, ассистент кафедры иностранных языков с методикой преподавания Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина
Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, ул. Советская, 8.*

можно судить о контурах и узловых моментах, которые будут присущи всем подобным теориям, возникнувшем позднее. В то же время связь между Александрийским Мусейоном, нисибийской школой и средневековыми европейскими университетами только идейная.

Следует признать, что в Римской Империи существовала хорошо налаженная система обучения, где можно было получить не только «гуманитарное» образование, но и специальное [12, с.76]. С целью удовлетворить потребности юношества, а также с целью способствовать вообще развитию науки императоры заботились об открытии и поддержании высших школ. Император Гадриан (Адриан) устроил в Риме нечто вроде академии или университета, под названием Афиней (Атенеум), куда собирались слушать знаменитых ораторов и поэтов [8, с.58]. О. Гордиевич в своей речи в 1893 году разъясняет понятие «высшее образование, высшая школа» следующим образом: «Выражение «высшее образование, высшая школа» имело у римлян более широкое значение, чем теперь. Под именем «высшие школы» надо понимать здесь школу грамматическую и риторическую. Эти школы существовали часто вместе, часто отдельно, причём риторическая школа считалась ступенью выше. Лицо, стоявшее во главе такой школы, называлось «*summus doctor*» и всегда избиралось императорами из среды учёных. Его теперь приравнивают... или к декану французского факультета, или же к директору гимназии, так как грамматико-риторическая школа напоминает собою теперешнюю гимназию, но часто и университет» [5, с.13].

В какой-то мере предшественниками средневековых университетов были некоторые учебные заведения классической древности: философская школа в Афинах (IV в. до н. э.), школа права в Бейруте (III-V вв.), так называемый «Императорский университет» в Константинополе (424 - 1453 гг), открытый императором Феодосием II в 425 г. и получивший официальное название «*Auditorium specialister nostrum*» Их организация и программа отдельных курсов напоминают средневековые. Так, например, в Бейруте существовал обязательный пятилетний академический курс с определенными циклами, в Константинополе в одном центре были собраны учителя грамматики, риторики, философии и права. Тем не менее, в античности отсутствовал ряд необходимых предпосылок:

1. не существовало универсальной религии - христианства,
2. не было необходимости в массовом выпуске специалистов,
3. не существовал еще отрыв политической власти от религии, т.е. не было еще светской власти,
4. не было еще такой специализации знания и др.

А. Джоунз, также рассматривая организационные принципы функционирования университетов в древнем Риме, особо подчёркивает личную зависимость преподавателей от государства и муниципальных властей, так как именно эти властные структуры нанимали профессоров – преподавателей свободных искусств – на работу и выплачивали им жалованье. «Тогда не было университетов ни в средневековом, ни в современном значении этого слова, – заключает он, – но в Риме, Константинополе, Афинах, Бейруте были группы профессоров, нанимаемых и оплачиваемых государством и муниципиями; они имели репутацию выдающихся специалистов в обучении грамматике и риторике» [23, с.349]. В ряде исследований и выражение «высшее образование», и слово «университет» взяты в кавычки, что подчёркивает условность используемой терминологии [28, с.162].

И как бы там ни было, только «...средневековые образовательные институты известные как «*studium generale*», давали регулярную работу преподавательскому составу, предлагали специальные курсы для получения высшего образования... и имели право выдачи сертификатов в форме признаваемых всеми степеней и дипломов» [26, с.14].

Само слово «*universitas*» не употреблялось в средние века для названия соответствующих учреждений. Современный

Словарь иностранных слов этимологическим корнем слова «университет» называет латинское «*universitas*» - «совокупность», а сам «университет» понимается как «высшее учебно-научное заведение, объединяющее в своем составе несколько факультетов, на которых представлена совокупность различных дисциплин, составляющих основу научного знания» [10, с.514]. Владимир Иванович Даль в своем словаре определял «университет» как «высшую школу, учебное заведение по всем отраслям науки» [6, с.498]. Современные представления тяготеют к определению университета как крупнейшего высшего учебного заведения для обучения универсальному знанию, другими словами, совокупности всех видов знаний. «Сегодня, — писал в начале нынешнего века Э. Дюркгейм, — мы привыкли думать об университете как об академическом учреждении, которое легко определяется и специфически размещено, подобно одной школе, где различные преподаватели обучают сумме всеобщего человеческого знания» [19, с.86]. Исторические факты, однако, свидетельствуют о том, что изначально подобного рода ассоциация высшей школы с «дисциплинами, составляющими основу научного знания» не была столь очевидной.

В ранний период своей истории университеты не имели ни своего имущества, ни своих зданий, и встречи учителей с учениками происходили в церквях, соборах или монастырях. Слово «университет» не обозначало в то время конкретного места, где могли бы происходить занятия. Но, подчеркивает Дюркгейм, «подобно тому как мы оставляем идею «*universitas*» в качестве совокупности академического учреждения, мы также должны остерегаться употребления этого слова в том смысле, что обучение, осуществляемое ассоциированными учителями, было обязательно энциклопедическим, охватывающим все отрасли человеческого познания» [19, с.89-90].

На самом деле слово «*universitas*» не служило для обозначения совокупности всевозможных предметов обучения. Пришедшее из римского права, оно применялось для определения групп лиц по роду их деятельности, т.е. некоторых сообществ: каменщики, врачеватели, правоведы. Этим словом назывались городские корпорации или гильдии мастеров и ремесленников, которые существовали задолго до появления осознающей свое единство «совокупности схоластов». Впрочем, объединялись для защиты своих интересов не только ученые-преподаватели, но и студенты. Так, если Парижский университет, о котором пишет Дюркгейм, возник как ассоциация преподавателей, то его ровесник — итальянский университет в Болонье — возник как сообщество студентов, желающих изучать право. Это, собственно, и были два первых типа университета — гильдия учителей и гильдия студентов.

Х. Дент, например, указывает, что термин «*universitas vestra*», означающий «все вы», «все из вас» был обиходной словесной формулой, используемой в документах торговых и других профессиональных гильдий для обозначения их членов [18, с.15]. На это же указывает и Стэфен Ферулло: «В условиях средневековой юридической практики под словом «университет», означаящим «гильдия» или «корпорация», понималась любая группа лиц, имеющих коллективный статус и занятых совместной деятельностью любого рода» [20, с.22]. То есть, в современной терминологии, под университетом изначально понималась группа людей, имеющая статус юридического лица и способная осуществлять самоконтроль за поведением и количеством членов своего сообщества. Например, в Болонье с 1166 по 1177 гг. существовала группа лиц под именем «*universitas populi Bononiae*» — «гильдия граждан города Болоньи» — в состав которой входили члены городского правления [21, с.18].

Держась терминологии римского права, средневековые юристы называли университетом (*universitas*) всякий организованный союз людей, всякую корпорацию — *corpus*, как говорили тогда, употребляя термин римского права. В том же

значении употреблялся и еще один термин римского права – коллегия, хотя коллегией, стал обыкновенно называться отдельный, частичный, союз внутри университетской корпорации. По мнению Рэшдолла, было «чистой случайностью», что слово «universitas» окончательно закрепилось за конкретной, одной из многих гильдий или корпораций мастеров, а именно за ассоциацией преподавателей и студентов [25, с.5].

«Объединение людей, объединение учителей есть, конечно, первичный факт, — отмечает Э. Дюркгейм, — это и привело к идее группирования и концентрирования учебного материала, который преподавали и изучали» [19, с.91]. Действительно хотя университеты и обладали правом выбора учебных предметов по своему усмотрению, они все же стремились к специализации. Так, всеевропейскую известность получил медицинский факультет итальянского университета в г. Салерно. Болонский университет считался лучшим в подготовке юристов, а Парижский — знанием тонкостей теологии и свободных искусств. Название «universitas» закрепилось за учебным заведением, дающим особое эталонное знание, спустя много лет после появления университетов как таковых.

С точки зрения организованного союза или общественной организации, не было никаких препятствий и город называть университетом граждан (*universitas civium*) и любой ремесленный цех подводить под то же понятие университета, тем более, что исторически первые университеты относятся к той же эпохе, на которую падают возникновение самостоятельных городских общин в Италии и формирование западноевропейских цехов. Следовательно, корпорация, образовавшаяся в видах научных интересов, была лишь видовым понятием, подходившим под общее понятие университета, как организованного союза людей. От этой корпорации, существование которой вызвано школьными интересами, в Средние века отличали самую школу, в смысле школьного или учебного дела (*studium*). В особенности, когда заходила речь об учреждении университета, и тот, кто просил издать, и та власть, которая издавала учредительную грамоту, употребляли выражение: «*studium generale*», а не «*universitas*». [11, с.2]. Слово «*studium*» ещё в течение XII века употреблялось в своем первоначальном смысле — «учение», а начиная с XIII в. стало также использоваться для обозначения учебного заведения, где происходит «учение», и в котором собираются ученые из разных стран [17, с.10-11].

Изредка встречается, наконец, название: «академия» в применении к университету, а приблизительно с XIV в. стал придаваться ему эпитет «*alma mater*» (т.е. нежная мать), заимствованный из канонического права и из литургического языка. Денифле сообщает, что первоначально два слова не были связаны друг с другом и являлись различными самостоятельными определениями. Первый случай употребления слова «*alma*», также происходящего из социального словаря средневекового человека, Г. Денифле датирует 1337 годом. Еще раньше рядом с «*universitas*» появляется слово «*mater*» «Обозначение *mater universitas*, — сообщает исследователь, — обнаруживается по меньшей мере около 1300 года в указе оксфордского магистрата... Несомненно, что это обозначение употреблялось и еще раньше» [17, с.331]. Фактически слово «*mater*» являлось еще одним названием совокупности представителей различных профессиональных объединений. Так, именно этим словом имел обыкновенно пользоваться при обращении в своих письмах к городским гильдиям папа Иннокентий IV [17, с.34]. Определяющие слова стали все чаще использоваться одновременно — *alma*, *Mater nostra*, *universitas*. Словосочетание «*alma mater*» превратилось в полноценное самостоятельное обозначение университета, как учебного заведения.

Хотя наиболее частыми словами для обозначения университетов в средние века были *universitas magistrorum et scholarium* и *studium generale*, Вергер пишет, что в ранние

периоды «... наиболее часто встречаемым в текстах термином был, скорее всего *universitas*, а не *studium generale*» [29, с.37].

Термин «*studium generale*» стал официальным обозначением университета только во второй половине XIII в. «*Studium*» обозначал школу, а «*generale*» имело отношение к возможности школы привлекать студентов не только со своей местности [16, с.23]. То есть, если студенты набирались из местного населения, «*stadium*» фигурировал как «*studium particulare*», либо как «*studia generalia provinciae*» или «*studia communia*» [24, с.7-9]. Прилагательное «*generale*» указывает и еще на один аспект. «*Studium*» становилась «*studium generale*» лишь тогда, когда за ней стояло лицо, чьи права носили всеобщий, не связанный с локальными различиями и делениями, характер - например, папа Римский или Император [27, с.35].

Термин «*studium generale*» стал использоваться, прежде всего, в значении «*studium privilegiatum*» — для обозначения привилегированного и независимого положений университетов, которые имели право обучать всех и обучать всякому знанию. Желания властей при этом особо не учитывались. Привилегии университетов не могли не быть признанными папой и королями, ибо в случае противления последних не имевший никакого имущества университет объявлял о прекращении своего существования и через некоторое время собирался вновь, но уже в другом городе. Парижский университет «в 1259 году, например, не желая подчиниться папскому указу, объявил себя распущенным. Он был способен на принятие таких мер без особых затруднений, потому что он ничем не владел; он представлял собой просто группу людей, которые могли разойтись с такой же легкостью, с какой они собрались вместе, как только у них появлялась такая потребность» [9, с.89].

Называясь «*studium generale*» университеты имели огромное значение для распространения передового знания. «Важность средневековых университетов в деле распространения знания можно считать самой собой разумеющейся, — пишет Ч. Гаскинс. — По самому своему определению «*studium generale*» был открыт для ученых всех стран, и студенты и профессора переходили от одного института к другому, перенося с собой книги и записи лекций, а также все, что имелось у них в голове» [19, с.99].

Очевидно, что ни в отношении «*universitas*», ни в отношении «*studium generale*», речи об универсальности знания как такового не возникало. Специфика знания в значительной степени отражала специфику его обладателя: уровень гносеологических претензий носителя знания, как правило, соответствовал социальному статусу самого носителя.

Лишь тогда, когда преподаватели и студенты «*studium*» приобретали статус профессиональной гильдии, «*studium*» в итоге превращался в университет. Однако, в течение длительного времени эти две организационные структуры существовали параллельно и автономно. «*Studium generale*» в Париже, например, пробыл в этом качестве более ста лет, прежде чем он обрел свой собственный «*universitas*». Когда, в свою очередь, в 1229 году парижский «*studium generale*» был временно закрыт, «*universitas*» бывших преподавателей и студентов Парижа продолжил свое существование на базе других учебных заведений [20, с.25].

Лишь к концу XIV века, когда, с одной стороны, оформление горожан в гильдии и цеха стабилизировалось, а с другой, власти городов предприняли целый ряд законодательных мер по переводу на оседлый образ жизни легких на подъем студентов и преподавателей, под университетом стали понимать исключительно совокупность людей, занятых обучением и исследованиями в специально отведенном для этого месте. Иными словами, понадобилось почти два века для того, чтобы в ходе риторической эволюции два разных термина, описывающие соответственно юридический статус конкретных лиц («*universitas*») и географическую специфику абитуриентов («*studium generale*»), слились в один («университет»).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 3. – М.: Искусство, 1991
2. Буассье Г. Последние времена язычества. Исторические очерки конечных религиозных столкновений на Западе в IV веке / Пер. Н. Трескина. Т.1. – Спб., 1893.
3. Гизо П. Частная и общественная жизнь древних римлян / Пер. С.П. Моравского. – М., 1893.
4. Гизо Ф. История цивилизации во Франции / Пер. П.Г.Виноградова. Т.1 и 2. 1877.
5. Гордиевич О. Речь, произнесённая на торжественном акте Коллегии П. Галагана 1 октября 1893 г. – Киев, 1894.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1991
7. Диль Ш. Византийские портреты / Пер. М. Безобразовой. Вып.1. – М., 1914.
8. Истомин А. О воспитании у римлян (Составлена по Грассбергеру, Марквардту, Бернади и Шмидту) // Сборник статей по классической древности, издаваемый для учеников гимназий Киевским отделением общества классической филологии и педагогики. – Киев, 1884
9. Правила святой школы города Нисибина // Антология педагогической мысли христианского Средневековья: В двух томах. – Т. I. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994
10. Современный словарь иностранных слов. – М., 1987.
11. Суворов Н. Средневековые университеты. – М., 1898
12. Фридендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов / Пер. под ред. Ф.Зелинского и С. Меликовой // Общая история европейской культуры / Под ред. И.М. Гревса, Ф.Ф. Зелинского, Н.И.Кареева, М.И. Ростовцева. Т. IV. Ч.1. Спб., 1904
13. Циглер Т. История педагогики / Пер. с 3-го изд. Е. Цитрон и А.Карнаухова / Под ред. С.А. Ананьина. Петербург – Киев, 1911.
14. Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурно-ноу жизнью народов. Изд. 3-е, доп. и испр. В. Ланге / Пер. Э.Циммермана.Т.1. М., 1877.
15. Штадельман Ф. Воспитание и обучение у древних греков и римлян / Пер. с нем. А. Нейфельда // Гимназия. 1895. № 6 – 8
16. Cobban, A.B., 1975, The Medieval Universities: Their Development and Organization, Methuen & Co Ltd, London.
17. Denifle H. Die Entstehung der Universitäten des Mittelalters bis 1400. — Graz: Akad. Druck u. Verl.-Anst., 1956
18. Dent H. University in Transition. – London. 1961.
19. Durkheim E. The Evolution of Educational Thought: Lectures on the Formation and Development of Secondary Education in France/ Translated by Collins P.—L. etc: Routledge and Kegan Paul. 1977
20. Feruollo, St. Parisius-Paradisius: The city, its school, and the origins of the university of Paris. In: Bender T. (ed.) The University and the City: from Medieval Origins to the Present. New York.1986.
21. Hyde, J.K. «Universities and cities in medieval Italy.» // Bender T. (ed.) The University. and the City: from Medieval Origins to the Present. New York.1986.
22. International encyclopedia of education. – Toronto, 1985. – Vol. 9
23. Jones A.H. M. The Decline of the Ancient World. 12-th ed. L. – N.Y., 1994
24. Maiery A. University Training in Medieval Europe. London, 1994.
25. RashdaII H. The Universities of Europe in the Middle Ages/Ed. by F.M. Powicke and A.B. Emden. — L.: Oxford Univ. Press,1942 - Vol. I.
26. Rudy, W. The Universities of Europe, 1100 - 1914. A History, Associated University Press, Cranbury 1984.
27. Symoens H.R. (ed.) A History of the University in Europe. Vol. 1. Cambridge. 1992
28. Thomas R. Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1992.
29. Verger, J., 1992b, Teachers, in Rüegg, W. (ed.), 1992, A History of the University in Europe. Vol. I Universities in the Middle Ages, Cambridge University Press, Cambridge.

УДК 314.1:947(476)

Баюра А.Н.

НАСЕЛЕНИЕ ВИЛЕНСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

По административно-территориальному делению европейская часть Российской империи в конце XIX – начале XX вв. делилась на губернии, уезды, станы и волости. Территория современной Беларуси на официальном языке царских властей с 1840 г. именовалась «Северо-Западный край», который включал в себя пять губерний – Могилевскую, Витебскую, Минскую, Виленскую и Гродненскую. Западно-белорусские земли входили в основном в Виленскую и Гродненскую и частично Минскую губернии. В настоящей статье будут рассматриваться вопросы, касающиеся народонаселения Виленской и Гродненской губерний во второй половине XIX века.

Виленская губерния была создана в 1795 г. после третьего раздела Речи Посполитой и первоначально существовала до 1797 г. 6 февраля 1797 г. она была слита со Слонимской губернией в одну Литовскую губернию, которая в свою очередь просуществовала до 1801 г. 9 октября 1801 г. согласно Указу

императора Александра I, Литовская губерния была разделена на Слонимскую и Виленскую. Последняя после ряда преобразований с 1 июля 1843 г. включала в себя 7 уездов: Виленский, Свентянский, Ошмянский, Трокский, Лидский, Дисненский и Вилейский. В таком составе Виленская губерния просуществовала до 1920 г.

Гродненская губерния была образована 9 сентября 1801 г. первоначально как Слонимская, а 28 августа 1802 г. была переименована в Гродненскую. Во второй половине XIX века она включала в себя 9 уездов – Гродненский, Брестский, Кобринский, Пружанский, Слонимский, Волковысский, Белостокский, Бельский и Соколовский.

В 1861 г. в Виленскую губернию по административно-территориальному делению входили 1 губернский, 6 уездных городов, 2 заштатных города, 137 местечек, 245 сел и 9287 деревень, 5166 хуторов, мыз и других мелких сельбищ (так в

Баюра Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент каф. социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета. Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.